

ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
Ответственный за рубрику: Байтенова Н.Ж.
© Исламоведение. 2018. Т. 9, № 2 (36)

ISLAM IN THE CONTEMPORARY WORLD
Person in charge of the section: *Baitenova N.Zh.*
© Islamic Studies (Islamovedenie). 2018. Vol. 9, № 2 (36)

DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-2-5-14

УДК 297.17

Содержание статьи

Информация о статье

П.А. Куценков¹

Введение
Ислам в Мали
Ислам и «туристический бум» в
Стране догонов
Время перемен
Заключение: война и престиж
ислама

Поступила в редакцию: 11.12.2017.
Передана на рецензию: 14.12.2017.
Получена рецензия: 20.01.2018.
Принята в номер: 26.03.2018.

Война на севере Мали и ислам в Стране догонов. Заметки очевидца

Институт востоковедения РАН; pkutsenkov@gmail.com

Статья основана на опыте полевой работы автора в Мали в 2015–2017 гг. Ислам в Мали существует больше тысячи лет. Устная традиция и письменные источники не зафиксировали каких-либо религиозных войн, хотя были известны отдельные конфликты на религиозной почве. Догоны долгое время сохраняли верность своей традиционной религии, но в конце прошлого века началось их массовое обращение в ислам. Это привело к изменению традиционной культуры, хотя многие её формы не противоречили нормам шариата. Но положение начало меняться после начала войны на севере Мали в 2012 г. В результате этих событий у догонов ислам начал ассоциироваться с исламским радикализмом, что привело к утрате былого престижа новой религией. В результате те, кто ранее скрывал приверженность традиционным культам, начали открыто практиковать их. Восстанавливаются старые языческие обычаи и ритуалы. По-прежнему существуют и действуют языческие общества масок. Мечети в Стране догонов приходят в запустение, а местное мусульманское духовенство настроено весьма пессимистично. Однако в открытую форму конфликт между приверженцами традиционных религий и мусульманами не переходит, чему способствует система шуточного родства. Надо отметить, что такие радикальные изменения в конфессиональных предпочтениях догонов произошли за два или три года.

Ключевые слова: *Мали, ислам, догоны, конфликты, шуточное родство.*

¹ Пётр Анатольевич Куценков – доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела сравнительного культуроведения Института востоковедения РАН, orcid.org/0000-0002-4288-6167

DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-2-5-14

UDC 297.17

*P.A. Kutsenkov*¹

**Content
of the article**

Introduction.
Islam in Mali.
Islam and the tourist boom in Dogon country.
Time for a change.
Conclusion: war and the prestige of Islam.

**Information
about the article**

Received: 11.12.2017.
Submitted for review: 14.12.2017.
Review received: 20.01.2018.
Accepted for publication: 26.03.2018.

War in the North of Mali and Islam in the Land of the Dogon. Notes of an Eyewitness

Institute of Oriental Studies of RAS; pkutsenkov@gmail.com

The article is the outcome of the author's fieldwork experience in Mali in 2015, 2016 and 2017. The history of Islam in Mali dates back over a thousand years. Oral tradition and written sources did not record there any religious wars, although some religious conflicts occurred from time to time. The Dogon people on Bandiagara Highlands of Mali had kept their traditional faith for a long time, but in the late 20th century their mass conversion to Islam began. This led to a change in the traditional culture, though many of its forms did not contradict the norms of the Sharia. However, the situation began to change after a war broke out in the Northeast Mali in 2012. Because of these events, Islam among the Dogon began to be associated with Islamic radicalism, which led to the loss of its former prestige. As a result, those who previously hid their adherence to traditional cults began to practice them openly. Old pagan customs and rituals were restored, and the pagan societies of masks still exist and function. Mosques in the Land of the Dogon have come to desolation, and the local Muslim clergy is very pessimistic. However, due to the practice of joking relationship the conflict between the adherents of traditional religions and Muslims does not pass into an open form. The author notes that such radical changes in the denominational preferences of the Dogon took place over a span of two or three years.

Keywords: Mali, Islam, the Dogon, conflicts, joking relationship.

Введение

До самого недавнего времени казалось, что Республика Мали окончательно станет мусульманским государством. Казалось, что остались считанные годы до того времени, когда последние язычники-догоны в затерянных на Нагорье Бандиагара деревнях примут малийский вариант ислама, который отличается веротерпимостью и даже снисходительностью к пережиткам язычества (таким, как культ предков). Казалось бы, не было никаких оснований сомневаться в том, что, не вступая в открытые конфликты, мусульмане со временем смогут покорить сердца и души последних приверженцев традиционных религий.

Но после начала сепаратистского восстания на северо-востоке страны всё изменилось. Очень быстро оно превратилось в выступление исламских фундаменталистов, а теперь – в обычный бандитизм, прикрываемый фундаменталистскими лозунгами. Это событие стало настоящим потрясением для малийцев и заставило их обратиться к традиционным культурным ценностям, которые для многих неразрывно связаны с

¹ *Pyotr Anatolievich Kutsenkov* – Dr. Sc. (Culturology), Leading Researcher at the Department of Comparative Culturology at the Institute of Oriental Studies of RAS, orcid.org/0000-0002-4288-6167

древними языческими верованиями. Автор имел возможность с 2015 г. наблюдать изменение религиозной ситуации в этой африканской стране, особенно быстроменяющееся отношение к исламу небольшого народа догоны, живущего на Нагорье Бандиагара (Плато Догон) на юге региона Мопти Республики Мали.

Ислам в Мали

История ислама в Западной Африке и в Мали насчитывает больше тысячи лет: мусульмане появились в Мали после первого набега арабов на Вагаду (Гану) в 734 г.; в XIII в. преемник основателя империи Мали язычника Сунджаты Кейта. Уали Кейта (1255–1270) официально принял ислам. С того времени число мусульман в Мали неуклонно росло, но всё же население многих деревень и маленьких, удалённых от столицы городов хранило верность традиционным религиям вплоть до середины прошлого века.

Тем не менее, много столетий культура Мали развивалась под влиянием ислама. За сотни лет он стал неотъемлемой частью культуры Мали. Даже сейчас бывает очень трудно выделить черты, привнесенные исламом, от местных обычаев и норм. Устная традиция и письменные источники не зафиксировали каких-либо религиозных войн, хотя были известны отдельные конфликты на религиозной почве. Так, в 1757 г. Али, сын основателя империи Сегу Мамари Битона Кулибали, вознамерился насильственно ввести нормы шариата, т. е. запретить употребление спиртных напитков и поклонение идолам. После этого он был убит: его правление продолжалось две недели (это событие даже привело к смене династии). Схожее событие произошло на Нагорье Бандиагара (Страна догонов) уже в XIX в.: после восстания в недавно покорённом г. Хамдаллае предводитель теократической «империи» тукулёров Эль Хадж Умар Талль был вынужден укрыться в пещерах Дегембере около Бандиагара, где и пропал неким таинственным образом 12 февраля 1864 г. Причиной его конфликта с догонами было намерение насильственно утвердить ислам.

Однако более типичной была иная модель отношений мусульман и приверженцев традиционных религий. В средневековых малийских царствах и империях сохранялось широкое самоуправление этнических меньшинств: обычно их зависимое положение ограничивалось выплатой податей и обязанностью выставлять ополчение в случае войны [11, с. 40]. Межконфессиональные отношения также были вполне уважительными: в Сегу основатель «империи» язычник Мамари Битон Кулибали (1712–1755) построил мечеть для своей матери-мусульманки Ба Суну Сако, «чтобы той не надо было далеко ходить на молитву». Любопытно, что сам этноним *бамбара* появился задолго до возникновения языческого государства в конце XVII в. и, вероятно, первоначально обозначал вообще всех язычников (в «Суданских хрониках» неоднократно упоминаются «язычники-бамбара», нападавшие на мусульманские города, это сопровождалось их «страшным и омерзительным разорением» [4, с. 260]).

Предание сохранило сведения о том, что преемник царя г. Дженне Кой Комборо, который в XIII в. обратил население города в ислам, язычник Малаха Танапо, построил здание, разделённое на две части – в одной была мечеть, а в другой помещались языческие идолы¹. В Дженне как мусульманская святая почитается принесённая в жертву

¹ Идея, достойная императора Августа, построившего в Риме Пантеон – храм всех богов. Следует заметить, что эти сведения из устной традиции фульбе, записанные Амаду Ампате Ба и Жаном Даже [5, с. 154], оспариваются, в частности, Жаном-Луи Буржуа [6, с. 136–139]. Но показательно, тем не менее, уже то, что подобная легенда вообще могла возникнуть.

при основании города девушка Тапама Дьенепо (её живой замуровали в гробницу, облик которой ничем не отличается от архитектуры гробниц мусульманских святых). И хотя ислам в г. Масина и Тимбукту или, к примеру, в теократической империи тукулёров (II пол. XIX в.) отличался значительно меньшей терпимостью к язычникам с их идолами, для Мали не были характерны ожесточённые конфликты на религиозной почве. В целом же малийский ислам всегда был полной противоположностью исламскому фундаментализму, чьи особенности В.В. Ким определила следующим образом: «редуцирование джихада к одному столпу веры – войне с неверными; буквальное следование Корану и его трактовка в конфликтном ключе – противостоянии неверным; восприятие западных ценностей и ценностей умеренного ислама как угрозы вере; эксплуатация радикальной идеологии экстремистскими группами, склонными к насилию, подготовка фанатиков, которые чаще всего становятся смертниками; тяготение к установлению авторитарной идеологии и формированию авторитарного мышления» [2, с. 14].

Ислам и «туристический бум» в Стране догонов

До второй половины прошлого века догоны в целом сохраняли верность традиционной религии, хотя число мусульман среди них начало расти уже с конца 60-х гг. прошлого века. Вероятно, отчасти это было связано с неприятием всего французского, и не случайно этот процесс начался уже после обретения Мали независимости. Косвенным доказательством этого предположения является то, что христианство, которое в Мали ассоциируется именно с французами, оставалось и остаётся малопопулярным (христиан среди них не более 12 %¹). Но всё же по-настоящему массовое обращение догонов в ислам началось только в 1980–1990 гг. и достигло апогея в начале 2000-х гг. Многие исследователи именно в то время отмечали, что «догоны всё чаще переходят в ислам, и мечети стали неотъемлемой частью деревенского пейзажа» [9, с. 356]. Не случайно апогей исламизации совпал по времени с «туристическим бумом», который начался после либерализации экономической политики в начале последней декады прошлого века. Учитывая весьма ироническое отношение малийцев вообще и догонов в частности к «тубабу» (европейцам, преимущественно французам), можно с большей долей вероятности предположить, что выбор этой мировой религии не в последнюю очередь был обусловлен тем, что она «неевропейская», а также тем обстоятельством, что ислам не противоречит многим местным доисламским обычаям. Так, полигамия существует в Западной Африке, что называется, от веку, там издревле известно и обрезание, а традиционное распределение обязанностей между мужчинами и женщинами в семье ничем не отличается от мусульманского.

По свидетельству очевидцев, в первое время догоны с восторгом воспринимали новую веру: «...в первый раз я видел, как люди в Африке на самом деле бегут, с потоками нарядных мусульман по дороге на импровизированную службу за пределы деревни. К тому времени, когда мы прибыли, две группы уже собрались – по одной от двух направлений ислама, представленных в Энде; каждая группа состояла из мужчин, женщин и детей, обративших свои лица на восток. Очарованный, я наблюдал, как духовный лидер одной группы достал громкоговоритель и начали петь, в то время как другая группа спокойно расположилась поблизости, тогда как их святой был счастлив стоять под полотенцем, удерживаемый тремя мужчинами. Зонтики накрывали толпу,

¹ В деревне Энде, где постоянно проживает не менее 3 тыс. человек (зарегистрировано больше 5 тыс.), христиан, принадлежащих к Католической церкви и разным протестантским конфессиям, насчитывается не более 15 человек.

отталкивая палящее солнце; и на протяжении всей службы люди все прибывали: некоторые бегом из деревни, а некоторые – с шумным визгом на мотоциклах. Это было столпотворение, совсем не похожее на христианскую церковную службу, и оно больше походило на возбужденных школьников в классной комнате в конце четверти, а не на богослужение» [3, с. 138].

Это описание нуждается в некоторых уточнениях: во-первых, в хорошо известной автору д. Энде, о которой пишет Моксон, нет никаких «двух направлений ислама» (все мусульмане деревни – сунниты); то, что люди собирались в разные группы, объясняется тем, что это были жители разных кварталов. Во-вторых, «святыми» британец называет имамов местных мечетей (по одной в каждом квартале деревни, которые фактически являются независимыми поселениями). Но в целом Моксон верно передал атмосферу праздника, с которым в то время ассоциировался у догонов ислам.

Не следует думать, что проникновение новой веры в Страну догонов было таким уж триумфальным: некоторые деревни упорно хранили и хранят верность старой традиционной религии, но мусульман там никто не преследовал. Так, в труднодоступной северной деревне Семари и в наши дни мусульман очень мало, но у них есть своя мечеть. С другой стороны, не было никаких попыток силой обратить приверженцев традиционной религии в ислам, хотя, как мы увидим, некоторые эксцессы всё же имели место.

Исламизация Страны догонов имела своим следствием множество новшеств. Так, в конце XX – начале XXI в. традиционная архитектура обогатилась новым типом сооружений, «догонскими» мечетями, которые отличаются удивительной живописностью. Несомненно также, что ислам много способствовал росту грамотности среди догонов: в коранических школах изучают не только Коран и Сунну, но и общеобразовательные предметы. Разумеется, традиционная культура понесла потери – так, всё реже можно было видеть церемонии с участием знаменитых масок. Но на круглую скульптуру никто не покушался, а превратить её в фетиш, по свидетельству жителей д. Энде, очень просто – достаточно зарезать курицу и её кровью оросить деревянную или железную фигурку. Судя по характерной чёрной корке на многих вполне современных скульптурах, эта практика не прерывалась никогда, но, по понятным причинам, и не афишировалась.

Время перемен

Приехав в Мали после почти двухгодичного перерыва в ноябре 2017 г., автор обнаружил множество перемен, которые касались и отношения к исламу.

В Бамако они не были особенно заметны, но уже в г. Мопти – столице региона, где находится Страна догонов, автора ждало множество неприятных открытий. Экономическое положение города резко ухудшилось: некогда гигантский рынок в речном порту был наполовину пуст, а на Центральном рынке Мопти работали только те ряды, где торговали съестными припасами. В городе физически ощущалась атмосфера нервозности и всеобщей подозрительности, что немудрено после серии террористических актов 2016–2017 гг. Музей земляной архитектуры, находящийся возле знаменитой мечети, был закрыт. По словам горожан, в городе царил всеобщая безработица, и не было надежды на то, что положение может выправиться в обозримом будущем.

Все эти грустные изменения напрямую связаны с войной на северо-востоке страны. Она началась 6 апреля 2012 г., когда туареги провозгласили независимость региона Азавад, расположенного к северу от Тимбукту. Мятежники утверждали, будто они никак не связаны с действующими в Мали исламистскими группировками «Ансар ад-

Дин» и магрибинской «Аль-Каидой», но уже 5 мая 2012 года исламисты напали на Тимбукту и разрушили гробницу Сиди Амара, являющуюся одним из объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, а в конце мая 2012 г. туареги и исламисты из «Ансар ад-Дин» открыто договорились об объединении своих сил. Как бы то ни было, сейчас военные действия на севере страны у малийцев ассоциируются по преимуществу именно с радикальным исламом, и только в последнюю очередь – с туарегами.

К 2017 г. война превратилась в серию террористических актов и нападений разрозненных вооружённых групп на блокпосты малийской и французской армий, но дело своё она сделала: туристическая отрасль в Мали рухнула (единственная туристка, которую автор встретил в Стране догонов в ноябре 2017 г., была из России). Европейцы не ездят дальше г. Сегу. Между тем туризм был важнейшей отраслью экономики страны, которая после её краха начала рушиться по принципу домино.

В ноябре 2017 г. деревни догонов на первый взгляд выглядели по-прежнему безмятежно, но и там кое-что изменилось: вдруг выяснилось, что многие «добрые мусульмане» уже не скрывают, что продолжают приносить жертвы «фетишам», что языческое общество масок как ни в чём не бывало продолжает свою деятельность, а каждый из его членов имеет молодого ученика; что самые уважаемые люди деревни в августе проводят обряд вызывания дождя; в старейшем квартале д. Кани-Бонзон обвалившаяся после сезона дождей мечеть стоит неотреставрированная, что особенно оттеняет ухоженный алтарь традиционного бога-творца Ама, находящийся по соседству; в пятницу в мечети густонаселённого квартала Огоденгу в деревне Энде на молитве присутствовало всего 5 (!) человек.

Догоны вдруг «вспомнили», что согласно историческому преданию их предки в своё время переселились на труднодоступное нагорье именно из-за нежелания принимать ислам – раньше об этом упоминали лишь вскользь. Выяснилось также, что в Энде и других деревнях за несколько лет успел развиться конфликт отцов и детей из-за отношения к исламу: главной оппозицией исламу выступает поколение начала 80-х гг. прошлого века. Их отцы были неофитами и самыми горячими приверженцами новой веры, но деды остались к ней равнодушны. В результате это поколение находится в оппозиции к своим отцам, но в союзе с дедами – хранителями и знатоками традиций, проводящими время в тени традиционных беседок-тогуна (к вечеру они нередко находятся в основательном подпитии). Правнуки соответственно уже воспитываются в традициях, весьма далёких от норм шариата. Многие носят либо традиционные, либо христианские имена, но вовсе не потому, что их отцов привлекает христианство: для них важно, что имя немусульманское. Местное духовенство, видя всё это, настроено весьма пессимистично. Как заметил имам мечети квартала Огоденгу в Энде, «наше поколение было первыми мусульманами в деревне, и оно же будет последним» [8, с. 66].

Никаких прямых столкновений на религиозной почве по-прежнему не происходит: каждая из сторон больше всего опасается именно того, что конфликт перейдёт в открытую форму. Но медленно, шаг за шагом, приверженцы традиционной религии начинают теснить мусульман. Нередко это происходит в рамках отношений шуточного родства, когда потенциально конфликтные вопросы вышучиваются и высмеиваются (подробно о системе шуточного родства и её роли в политической культуре Мали см. [1])¹. В этом отношении показателен диалог, свидетелем (и отчасти даже участником) которого был автор в ноябре 2017 г. в д. Энде.

¹ См. также: *Куценков П.А. Некоторые особенности политической культуры Мали // Культура и политика: проблемы взаимосвязи. Труды Института востоковедения РАН. Вып. 3 / отв. ред. выпуска Ю.В. Любимов; сост. С.В. Прожогина. – М.: ИВ РАН, 2017. – С. 275–286.*

Как-то раз автор с шофёром экспедиции Ладжи Сиссе сидел возле нашего дома в Энде. Надо заметить, что Ладжи – очень верующий и действительно благочестивый человек, который отлично знает Коран. К нам подошёл житель деревни по имени Мамаду Гиндо, сел, и, смерив Ладжи осуждающим взглядом, спросил, считает ли тот себя мусульманином. Тот ответил, что да, считает. «Тогда зачем ты бреешься?» – не без пафоса спросил Мамаду.

– Почему я не могу бриться?

– Коран запрещает.

– Где запрещает? Как запрещает? Какая сура? Какой аят?

– Понятия не имею, но такой запрет есть.

У Ладжи в телефоне есть специальная программа с полным текстом священной книги. Он принялся листать текст, умоляя Мамаду показать то место, где есть запрет на бритьё. Мамаду продолжал настаивать на своём, причём, так искусно, что мы с Ладжи и не поняли, что он дурачится. Вволю насладившись серьёзной реакцией Ладжи на его приставания, Мамаду наконец-то расплылся в улыбке, а все присутствующие, включая Ладжи Сиссе, принялись смеяться над удачной шуткой. Пикантность ситуации состояла в том, что сам Мамаду хоть и отрастил бороду, но в ревностном отношении к религии замечен никогда не был.

Шутки в языческой по преимуществу д. Семари носят более провокационный характер: по рассказам деревенских жителей, во время Рамадана в 2017 г. всё взрослое население деревни с утра принималось употреблять традиционные спиртные напитки и радостно зазывало немногочисленных деревенских мусульман принять участие в этом деле. Те отшучивались, но чувствовали себя довольно неуютно. Надо заметить, что в 2012 г. эта деревня самостоятельно отбилась от исламистов (при этом погиб сын вождя), причём, местные мусульмане сражались вместе со своими соседями-язычниками¹. Памятником тех событий служит стена на дороге в Семари, за которую запрещено заходить мусульманам. Впрочем, как всегда в подобных случаях в Мали, в этом правиле существует множество исключений: запрет не распространяется на «своих» мусульман, а также на всех вообще хороших людей, которые приходят в Семари с миром. Схожее положение существует и в г. Дженне, историческом центре малийского ислама: несмотря на грозную надпись около мечети, запрещающую вход туда всем немусульманам, в нее пускают всех, кто ведёт себя прилично и проявляет уважение к местным обычаям. Однако именно в Дженне наш гид Альхуссеини Синангао признался, что после начала войны на северо-востоке страны малийские мусульмане испытывают своего рода комплекс вины, хотя не имеют никакого отношения к этому бедствию. Но дело заходит дальше невинных шуток: случается и открытый возврат к традиционной религии.

Бокари Гиндо приводит типичный пример такой практики. Каждый год в деревнях, расположенных вдоль скального уступа Бандиагара, проходит ритуал «джагу» (jagou), в котором участвуют специальные куклы-марионетки. Его задачей является защита деревень от всяческих бедствий и обеспечение хорошего урожая. Но в некоторых деревнях сельской коммуны Кани-Бонзон ритуал не проводился больше десяти

¹ Это не единственный пример военной самоорганизации догонов: в декабре 2016 г. малийский информационный интернет-портал Мали Джет сообщил о том, что для обороны от джихадистов охотники-догоны под предводительством уроженца г. Бандиагара Йусуфа Толоба создали вооружённую милицию численностью более двух тыс. человек. Важно отметить, что это сообщество носит название «Охотники, которые вверяют себя Господу» (Dan Na Amba Sagou) и состоит по преимуществу из мусульман [12].

лет, потому что при массовом обращении в ислам восторженные неофиты эти куклы сожгли. После этого все беды, случившиеся в деревнях, местным населением интерпретировались исключительно как расплата за совершённое надругательство над традиционной религией. Показательно, что и в этом случае конфликт не перешёл в открытую форму: жители пострадавших деревень стойко переносили все несчастья и ждали, пока умрёт последний из людей, совершивших то святотатство. Сейчас ритуал восстановлен, и именно молодёжь принимает в нём самое активное участие [8, с. 67].

Заключение: война и престиж ислама

Как заметил Сулейман Гиндо из квартала Огоденгу д. Энде, «мы ничего не имеем против ислама как такового – вот только саудовский ислам нам не нравится». Эти слова, как представляется автору, помогают понять, что именно случилось за последние годы в Стране догонов.

Война на севере страны сопровождалась эксцессами, которые произвели тягостное впечатление на всех малийцев. Разрушение гробницы Сиди Амара, а также порча и уничтожение мусульманских рукописей в Тимбукту, жестокость, которой сопровождалось насаждение «правильного» ислама с последующим перерождением с джихада в откровенный бандитизм, не могли никому понравиться в стране, где межэтнический и межконфессиональный мир стал национальной идеологией. Сейчас в сознании малийцев существует устойчивая связка «исламский фундаментализм (т. е. саудовский по преимуществу) – насилие». В случае же с догонами, обратившимися в ислам недавно, эта устойчивая связь приобрела иной вид – в их восприятии синонимом насилия стал ислам вообще. Так случилось, что разочарование в нём совпало с ростом этнического самосознания. Лёгкость, с которой догоны возвращаются к традиционной религии, объясняется тем, что у них ислам не успел стать частью «своей» традиции, как у народа малинке на западе Мали и в соседней Гвинее или в древних городах Дженне, Тимбукту и Гао. Типична, к примеру, такая биография жителя догонской деревни: он родился в языческой семье и получил традиционное имя, затем его родители приняли ислам, и он получил имя мусульманское, потом его отдали в миссионерскую школу, где его крестили, и он получил уже христианское имя, но христианином себя по-прежнему не считает.

Дополнительным «антиисламским» фактором стал патриотизм малийцев. По данным опросов, большинство жителей юга Мали склонны ассоциировать себя в равной мере и с Республикой Мали, и со своей этнической группой (39 % в городах и 36 % в деревнях) или скорее с Республикой Мали (39 и 33 %). Скорее со своей этнической группой, чем с Республикой Мали, себя ассоциируют только 5 и 9 %, а исключительно со своей этнической группой – 9 и 14 % [7, с. 12]. В этой статистике обращает на себя внимание небольшой разрыв между жителями деревень и городов. С учётом того, что подавляющее большинство жителей малийских городов – недавние выходцы из деревень, получается, что в Мали очень высока доля людей, ассоциирующих себя с современным государством, но не в ущерб своему этносу. Между тем мятежники с севера угрожают межэтническому миру, единству и независимости страны, и делается это опять-таки под знамёнами исламского фундаментализма: в марте 2016 г. в межэтнических столкновениях были убиты десять человек, а в мае – уже двадцать четыре, причём, как отмечает французское издание «Жён Африк», «насилие подпитывает вооружённая группа джихадистов-фульбе под предводительством проповедника Амаду Куфы, которая появилась в этом регионе в 2015 г.» [10].

Сейчас невозможно предсказать, будет ли меняться в деревнях догонов религиозная ситуация: как показывает опыт, внешние обстоятельства могут оказывать решающее воздействие на конфессиональные предпочтения этого своеобразного народа. Но

одно сомнений не вызывает – чем дольше будет продолжаться война на северо-востоке Мали, тем больше догонов будет возвращаться к религии своих предков.

Литература

1. *Выдрин В.Ф.* “Fúla` te fóyi yé!”. Образ малийских фульбе в баманских байках, анекдотах, размышлениях // Язык. Африка. Фульбе. Сборник научных статей в честь Антонины Ивановны Коваль / под ред. А.А. Кибрик – СПб.–М.: Европейский Дом, 1998. – С. 237–256.
2. *Ким В.В.* Экстремистские потенции религиозного фундаментализма: от истоков до наших дней // Исламоведение. – 2014. – № 4. – С. 6–17.
3. *Моксон М.* Мали: Страна догонов / пер. и коммент. А.С. Шаровой // История Африки: люди и судьбы: сборник документов и материалов / отв. ред. Т.М. Гавристова; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: Филигрань, 2016. – С. 129–140.
4. Суданские хроники / ред. Першиц А.И.; пер. Куббель Л.Е. – М.: Наука, ГРВЛ, 1984. – 498 с.
5. *Ba H.H., Daget J.* L’Empire peul du Macina (1818–1853). 2 ed. – Paris: Les Nouvelles Editions Africaines. Editions de l’Ecole de Hautes Etudes en Sciences Sociales, 1984. – 173 p.
6. *Bourgeois J.L.* Spectacular Vernacular: the Adobe Tradition. – New York: Aperture, 1989. – 196 p.
7. *Coulibaly M., Hatloy A.* Religious issues and ethnicity in Southern Mali // Fafo-report. – 2015. – № 13. – 38 p.
8. *Guindo B.* Patrimoine culturel, développement et durabilité du tourisme au Pays Dogon. Cas de la commune rurale de Kani-Bonzon au Mali. Mémoire de DEA. – Bamako: Université de Bamako, Institut Supérieur de Formation et de Recherche Appliquée (ISFRA). Année académique: 2012–2013. – 87 p.
9. *Insoll T.* The Archaeology of Islam in Sub-Saharan Africa. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 488 p.
10. Mali: une trentaine de morts dans des violences entre Peuls et Dogons dans le centre du pays // Jeune Afrique. – 20 juni 2017 à 15h41. – URL: <http://www.jeuneafrique.com/449583/politique/mali-trentaine-de-morts-violences-entre-peuls-dogons-centre-pays/>.
11. *Mueni wa Muii, Martin G.* A New Paradigm of the African State. Fundi wa Afrika. – N. Y.: Palgrave Macmillan, 2009. – XIII+271 p.
12. *Sangala B.* Afin de protéger les terroirs dogons contre les agresseurs: Plus de 2 000 chasseurs jurent pour le mouvement «Dan Na Am-ba Sagou ou les chasseurs se confient à Dieu», une milice d’auto-défense dogon URL: <http://malijet.com/actualite-politique-au-mali/flash-info/173365-afin-de-prot%3%A9ger-les-terroirs-dogons-contre-les-agresseurs-plus-.html> Date: 17 Décembre.

References

1. Vydrin V.F. “Fúla` te fóyi yé!” *Obraz malijskih ful'be v ba-manskih bajkah, anekdotah, razmyshlenijah* [The way the Malian Fulani in Baranski stories, anecdotes, reflections] V.F. Vydrin i A.A. Kibrik (red.) Jazyk. Afrika. Ful'be. Sbornik nauchnyh statej v chest' Antoniny Ivanovny Koval' [Language. Africa. The Fulani. Collection of scientific articles in honor of Antonina Ivanovna Koval']. Saint-Petersburg-Moscow: Evropejskij Dom, 1998. – S. 237–256. (In Russian).

2. Kim V.V. Jekstremistskie potencii religioznogo fundamentalizma: ot istokov do nashih dnei. [Extremist Potency of Religious Fundamentalism: from the Origins to the Present Day] *Islamovedenie* [Islamic Studies]. – 2014, № 4. – S. 6–17. (In Russian).
3. Mokson M. Mali: Strana dogonov / perevod i komentarij A.S. Sharovoj [Mali: Dogon Country] *Istorija Afriki: ljudi i sud'by: sbornik dokumentov i materialov* [History of Africa: people and fates: collection of documents and materials] Ed. by. T. M. Gavristova; Jarosl. gos. un-t im. P. G. Demidova. Jaroslavl': Filigran', 2016. – S. 129–140. (In Russian).
4. *Sudanske hroniki*. [The Sudanese Chronicles.] Ed. by Pershic A.I. Translator Kubbel' L.E. Moscow. Nauka, GRVL, 1984. – 498 s. (In Russian).
5. Ba H.H., Daget J. *L'Empire peul du Macina (1818–1853)*. 2 ed. – Paris: Les Nouvelles Editions Africaines. Editions de l'Ecole de Hautes Etudes en Sciences Sociales, 1984. – 173 p.
6. Bourgeois J.L. *Spectacular Vernacular: the Adobe Tradition*. New York: Aperture, 1989. – 196 p.
7. Coulibaly M., Hatløy A. Religious issues and ethnicity in Southern Mali. *Fafo-report*. 2015, № 13. – 38 p.
8. Guindo B. *Patrimoine culturel, développement et durabilité du tourisme au Pays Dogon. Cas de la commune rurale de Kani-Bonzon au Mali. Mémoire de DEA*. Bamako: Université de Bamako, Institut Supérieur de Formation et de Recherche Appliquée (ISFRA). Année académique : 2012–2013. – 87 p.
9. Insoll T. *The Archaeology of Islam in Sub-Saharan Africa*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 488 p.
10. Mali: une trentaine de morts dans des violences entre Peuls et Dogons dans le centre du pays. *Jeune Afrique*. 20 juni 2017 à 15h41. <http://www.jeuneafrique.com/449583/politique/mali-trentaine-de-morts-violences-entre-peuls-dogons-centre-pays/>.
11. Mueni wa Muiu, Martin G. *A New Paradigm of the African State. Fundi wa Afrika*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2009. XIII+271 p.
12. Sangala B. *Afin de protéger les terroirs dogons contre les agresseurs: Plus de 2 000 chasseurs jurent pour le mouvement «Dan Na Amba Sagou ou les chasseurs se confient à Dieu», une milice d'auto-défense dogon*. – URL: [http://malijet.com/actualite-politique-au-mali/flash-info/173365-afin-de-prot %C3 %A9ger-les-terroirs-dogons-contre-les-agresseurs-plus-.html](http://malijet.com/actualite-politique-au-mali/flash-info/173365-afin-de-prot%C3%A9ger-les-terroirs-dogons-contre-les-agresseurs-plus-.html) Date: 17 Décembre.